

Г.А.БОЛСУН

ФАШИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ (1941–1943 гг.)

Внезапность нападения фашистской Германии, стремительное продвижение войск противника в глубь страны и отступление Красной Армии, быстрая оккупация республики вызвали растерянность, апатию, дезориентировали значительную часть жителей Белоруссии. В оперативной сводке из СССР №42 от 3 августа 1941 г. немцы отмечали: "Среди населения ощущается огромный спрос на информацию, можно сказать, голод".¹ Стремясь заполнить этот вакуум и отчетливо сознавая, что война за умы играет не меньшую роль, чем военные сражения, фашисты развернули широкую пропагандистскую работу на оккупированной территории Белоруссии. Немецкие трофейные документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь, дают наглядное представление о формах организации и методах этой работы, помогают понять причины временного успеха пропагандистских акций гитлеровцев, выявить основные направления пропаганды противника и определить, почему в январе 1943 года немцы констатировали: "Всякая немецкая пропаганда, будь то против банд или, например, за поездку на работы в Германию, бессильна".²

С первых дней оккупации республики немцы установили монополию на все средства информации. Многочисленные приказы и объявления гласили об обязательной сдаче в местные комендатуры и отделы жандармерии под угрозой наказания радиоаппаратов, коммунистических книг, пригодных и непригодных фотоаппаратов. Были составлены именные списки граждан, имеющих патефоны и патефонные пластинки. Об отношении гитлеровцев к организации и содержанию учебного процесса в школах убедительно свидетельствует, например, распоряжение Петриковского гебитскомиссариата (1942 г.): "Введенные большевиками учебные планы, учебники, книги для учителей и учеников и прочие воспитательные средства с политической тенденцией (фильмы, карты, картины и т.д.) запрещены".³ Зам. генерального комиссара фон Румор 8 ноября 1941 г. информировал все заинтересованные организации и частных лиц о том, что выпуск газет, журналов, прочих периодических изданий, учебников возможен только с разрешения Генерального комиссара Беларуси. Для организаций постановок, развлекательных мероприятий необходимо было за 14 дней сообщить в местную комендатуру день, место и час проведения, вид организации, доложить программу и полный текст, указать состав художников и исполнителей. До получения соответствующего разрешения проведение подобных мероприятий запрещалось. Библиотечные фонды подвергались тщательной проверке. Так, в отчете айзатцгруппы "Б" за сентябрь 1942 г. говорится: "...Довольно значительная часть книжного фонда библиотек еще не передана для массового пользования в связи с просмотром книг, в особенности в ведомстве Розенберга (Могилёв, Гомель)".⁴

В организации пропагандистской работы фашисты стремились учитывать специфику местных условий, тщательно следили за настроением населения и воздействием на него своих пропагандистских акций. Они видели отличие меж-

ду бывшими польскими и советскими районами в том, что в последних население совершенно подавлено и не имеет своего самосознания. Безучастность и равнодушие населения этих территорий объясняли как "итог психологического воздействия советского террора в течение 23-летнего господства." Характеризуя настроение в бывших польских землях, нацисты в оперативной сводке из СССР №42 подчеркивали: "... радость освобождения от советского ярма все еще продолжается и проявляется она прежде всего в готовности польского и белорусского населения активно участвовать в восстановлении. Сравнение немецких солдат, их поведения, вооружения и т.д. с военнотружущими Красной Армии оказались в пользу германского вермахта."⁵ В целом они характеризовали белорусский народ как "аморфную массу, столетиями лишенную своей интеллигенции." Ссылаясь на "безысторическое" развитие белорусов и мелкокрестьянский эгоистический характер, считали, что едва ли существует в широкой массе населения народное или национальное самосознание. Можно встретить в сводках и такую характеристику белорусов: "индифферентные, боязливые (трусливые)."⁶ В связи с этим указывалось, что немецкое пропагандистское обслуживание должно проводиться таким образом, чтобы "оно было доступно для примитивного восприятия местного населения." Единственным критерием принадлежности к белорусской национальности фашисты считали употребление белорусского языка, который называли примитивным. В Приложении к оперативной сводке отдела пропаганды "Остланд" за 31 декабря 1941 г. сказано: "...Если сегодня белорусский язык является официальным языком и пропаганда ведется преимущественно на белорусском языке, то населению непонятно это. В белорусском языке отсутствуют или неизвестны многие научные, административные и коммерческие термины. Часто можно наблюдать, когда белорусы не понимают опубликованные в газетах или изданные другим путем на белорусском языке распоряжения, ибо они содержат незнакомые слова или надуманные неологизмы."⁷

Контроль за настроением населения осуществляли не только сотрудники отделов пропаганды и старосты. Из числа местных жителей вербовались доверенные лица, в задачу которых входило узнавать и сообщать о настроениях населения. Затем подобные сообщения использовались на совещаниях местных пропагандистов для корректировки дальнейшей работы. Поставщиком информации должен был стать каждый немецкий солдат. Так в "Памятке для войск" говорилось: "Там, где вы встречаете или можете связаться с органами немецких частей пропаганды, сообщите им об интересных фактах, которые вы знаете."⁸

Большие надежды гитлеровские агитаторы возлагали на учителей, стремясь использовать их в качестве проводников нацистской идеологии. "По мнению авторитетных кругов, крайне необходимо немедленно уволить с работы ту часть учительства, которая занимает выжидательную позицию, а более достойных привлечь к проведению активной немецкой пропаганды."⁹

Насильственная коллективизация, политические репрессии, шпиономания и другие негативные явления, имевшие место в предвоенные годы, наложили отпечаток на настроение населения республики и давали немецким пропагандистам обширный материал для критики советских порядков. "Характерно, что население возлагает вину за последние годы жизни в нужде не на большевистскую систему, а лично на Сталина... Зачастую можно слышать высказывания: "если бы жил Ленин, все было бы иначе."¹⁰ Однако в сообщении оперативной группы СД о положении в Минске от 15 июля 1941 г. содержится иное, более категоричное заявление: "В целом же повсеместно наблюдается сильное отращение к большевистскому режиму."¹¹ Немцы стремились подогревать подобные настроения, используя карикатуры на руководителей советского государства, переделывая и публикуя тексты известных советских песен. Так на одной из листовок был изображен Сталин, который доит плачущую корову. На обратной стороне текст:

"Колхозы – дойная корова
Для Сталина – "отца родного",
Как только немцы победят,
Колхозы к черту полетят..."¹²

В виде листовки с пометкой "прочти-повтори-запомни" был издан тенденциозно переработанный текст советского гимна: "Союз нерушимый республик голодных Сплотила когда-то великая Русь. Да здравствует ставший тюрьмою народной Единый концлагерь Советский Союз..."¹³

С первых дней войны все средства немецкой пропаганды были брошены на разъяснение освободительной миссии германской армии, якобы спасающей страну от жидо-большевизма и советского режима. Пропагандистские команды, используя агитационные машины с репродукторами, совершали поездки по населенным пунктам Белоруссии и передавали материалы о положении на фронте, подчеркивая значение немецких военных успехов, доказывали, что возврат советского строя немыслим и такого никогда не случится. Населению раздавали портреты фюрера и открытки с его изображением, нацистские флажки, вывешивали плакаты, например "Солдаты Гитлера – друзья народа."

Огромное внимание фашистская пропаганда уделяла деморализации Красной Армии, убеждая в бессмысленности ее сопротивления и призывая бойцов сдаваться в плен. Изданные объявления и листовки расклеивались на специальных щитах в деревнях и на перекрестках лесных дорог. Предписывалось бывших советских военнослужащих, добровольно явившихся для сдачи в плен, с листовками отправлять обратно в лес для агитации своих сослуживцев. Немцы обращались к солдатам Красной Армии и от имени германского командования, и от имени военнопленных, которые якобы прекрасно чувствуют себя в лагерях, от имени матерей и жен, которые "от чистого сердца" призывали своих близких "стараться добровольно сдать в плен и поспешить домой, чтобы не опоздать к разделу земли." Немцы всячески стремились опровергнуть положение о справедливом, освободительном характере войны со стороны Советского Союза. Они пытались доказать, что солдаты защищают не свое Отечество, а интересы кучки жидов, засевшей в Кремле. Гитлеровские пропагандисты утверждали также, что эта война ведется за англо-американские интересы. Сталин, "продавший" союзникам, заставляет проливать кровь и голодать миллионы крестьян, рабочих и солдат. Красноармейцев призывали не воевать за чужие интересы, а скорее сдаваться в плен. На одной из листовок фотография счастливого пленного солдата сопровождалась текстом об особенно хороших условиях для тех, кто добровольно перешел на сторону немцев. На обратной стороне – русско-немецкий разговорник в помощь сдающемуся в плен: "Дайте еще чашку чаю", "Спасибо за сигареты", "Можно еще стакан водки?", "Я хотел бы еще одно одеяло", "Я хочу что-нибудь почитать" и т.п. Складывается впечатление, что бойцов приглашали на курорт. Но достаточно прочитать сообщение отдела пропаганды "Остланд" за период с 10 по 25 января 1942 г., чтобы понять сколько изощренной лжи, цинизма содержали немецкие пропагандистские материалы: "Особое недовольство вызывает среди населения обращение с военнопленными... Во время марша крупной партии военнопленных с Минского вокзала в лагерь немецкой конвойной командой якобы были расстреляны бежавшие военнопленные. Только вечером улица была частично очищена от трупов. Это вызвало у населения возмущение, волнение, большое недоверие к немцам... В целях успешного проведения пропаганды поэтому необходимо потребовать, чтобы в подобных случаях... расстрелы производились не на глазах населения и чтобы оно не видело трупов."¹⁴

Серьезную проблему для немецкой стороны представляло обилие слухов, распространявшихся как из-за дефицита достоверной информации, так и вследствие активной устной пропаганды партизан и подпольщиков. Слухи о плохом обращении в Германии, о несчастных случаях, о размещении женщин и девушек в публичных домах значительно затрудняли вербовку рабочей силы в рейх. Особую тревогу вызывали у немцев слухи, распространяемые в сельской местности в период жатвы о бесполезности уборки урожая, о том, что Сталин дал указание о роспуске колхозов в пользу единоличных хозяйств и т.п. Влияние их было настолько велико, что нацисты с опаской заявляли: "Такая пропаганда существенно затрудняет проведение немецкой политики в области сельского хозяйства."¹⁵ Гитлеровские пропагандисты стремятся срочно принять контрмеры. Витебской пропагандистской командой была создана так называемая колонна доверенных лиц, которая распространяла среди населения слухи, выгодные вермахту:

– своими бессмысленными налетами советская авиация вредит только мирному населению, а не немцам;

– обещания большевиков только и остаются обещаниями, а о громогласно объявленном освобождении Белоруссии не может быть и речи;

– послушные англичанам русские круги арестовали Сталина и хотели убить, но освободили его, когда он твердо пообещал по требованию англичан пожертвовать последним русским;

– чтобы народ не поднялся против Сталина и его еврейской клики англичане и американцы предприняли высадку в африканской пустыне далеко от европейского континента. Сталин объявит народу об открытии второго фронта, который на деле является фикцией.¹⁶

Огромное внимание уделялось пропагандистскому обеспечению вербовки рабочей силы. Немцы стремились показать, что Германия – страна национального подъема, благосостояния и довольства, страна справедливости и свободы. Многочисленные агитационные плакаты, листовки, газетные статьи призывали добровольцев без промедления являться на пункты вербовки, захватив с собой лишь котелок с ложкой, да музыкальный инструмент, чтобы не скучать в дороге. Во всех газетах из номера в номер публиковали письма уехавших на работу в Германию, например, такого содержания: "...Живу прекрасно. Знакомлюсь с Берлином и его прелестями, часто бываю в берлинских театрах... Был в ресторане, в том числе в русском ресторане "Медведь". ...Мне теперь вполне ясно, почему так храбро борется немецкий солдат. Есть за что бороться. Не знаю, как у большевиков поворачивался язык, когда они говорили гадости о Германии."¹⁷ Пропагандисты разъясняли, что проезд в Германию разрешен всем, кто хочет работать, познакомиться с условиями жизни немцев и изучить немецкий язык. В одной из листовок говорится: "Для полного и радикального истребления большевизма потребуется еще много оружия и боеприпасов! Германия выставит еще больше дивизий! Но освободившиеся места у станков должны быть вновь заполнены. Поэтому тысячи белорусов и белорусок идут охотно и добровольно на работу в Германию. ...Кроме того, немецкое государство ручается тебе в том, что ты вернешься на свою родину счастливым и довольным."¹⁸ На производственных собраниях перед рабочими выступали "побывавшие" в Германии. Они делились впечатлениями от поездки. Но, несмотря на все ухищрения гитлеровских пропагандистов, в октябре 1942 года ответственный за использование рабочей силы сообщает: "Принудительная мобилизация была начата в связи с тем, что первоначальная готовность населения добровольно ехать на работы в Германию совершенно отпала."¹⁹

Таким образом, внезапность нападения фашистской Германии и быстрая оккупация Белоруссии, монополия фашистов в области информации, тщательная подготовка и оперативность пропагандистских акций вермахта, умелое использование просчетов советского руководства накануне войны способствовали тому, что в 1941 году немцы сумели добиться определенных успехов на пропагандистском фронте. Однако уже с 1942 года ситуация начинает меняться. В "Сообщениях из занятых восточных областей от 11 ноября 1942 г." говорится: "Если некоторое время после оккупации Белоруссии у населения часто существовало убеждение, что Германия даже в трудных условиях, но все же победит, то сегодня от такого мнения, за исключением некоторых, не осталось и следа."²⁰ Гитлеровская пропаганда потерпела сокрушительное поражение, так как за время оккупации население республики смогло воочию убедиться в ее лживом и провокационном характере, испытать на себе весь ужас фашистского "нового порядка".

¹ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.938, л.74.

² Там же. Д.947, л.229.

³ Там же. Д.539, л.64.

⁴ Там же. Д.949, л.109.

⁵ Там же. Д.938, л.70.

⁶ Там же. Д.948, л.91.

⁷ Там же. Д.931, л.43.

⁸ Там же. Д.337, л.4.

⁹ Там же. Д.931, л.94.

¹⁰ Там же. Л.41.

¹¹ Там же. Д.948, л.89.

¹² НАРБ Ф.359, л.171.

¹³ Там же. Л.36.

¹⁴ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.932, л.8.

¹⁵ Там же. Д.945, л.73.

¹⁶ Там же. Д.949, л.158.

¹⁷ Новый путь (г.Витебск) 1943 г.18 марта.

¹⁸ НАРБ Ф.359, л.131.

¹⁹ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.955, л.105.

²⁰ Там же. Д.948, л.91.

Н.М.ПУРЫШЕВА

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1921–1925)

Восстановление в июле 1920 г. белорусской советской государственности поставило перед партийно-государственным руководством республики и вопрос о путях и формах национально-культурного развития. Специфика ситуации заключалась в том, что в составе высшего руководства КП(б)Б в этот период преобладали сторонники последовательного централизма и классового пуризма (В.Г.Кнорин и др.). Отрицая национальный характер складывавшейся белорусской государственности, они стремились изолировать белорусскую интеллигенцию от участия в культурной работе. Противоположной точки зрения придерживались белорусские национал-коммунисты, представлявшие в КП(б)Б национально-демократические силы (В.М.Игнатовский, Д.Ф.Жилунович, А.Г.Червяков и др.). Рассматривая создание БССР как реальную возможность соединить национальные и коммунистические идеалы, они выступали за полноценное развитие белорусской культуры.

Это противостояние сказывалось на литературно-художественной политике. В 1921–1922 гг. оно проявилось в полемике между первым секретарем ЦБ КП(б)Б В.Г.Кнориным и народным комиссаром просвещения ССРБ В.М.Игнатовским по поводу поэмы М.Чарота "Босья на вогнішчы"¹. Частично взгляды оппонентов совпадали. Оба рассматривали художественную культуру как область идеологии, которая специфическими методами участвует в политике, выполняя функции орудия классовой борьбы. Общей была убежденность в необходимости создания новой художественной культуры. Они считали естественным вмешательство партийно-государственных структур в эту сферу духовной жизни. Однако различий было больше и они имели принципиальный характер. В.Г.Кнорин настаивал на радикальной "пролетаризации" белорусской культуры, на отсечении ее возрожденческих традиций. В.М.Игнатовский же обосновывал необходимость сохранения преемственности в развитии белорусской художественной культуры. По его мнению, принципы постепенности и преемственности должны были составить основу республиканской культурной политики².

Принадлежность оппонентов к высшим эшелонам власти выводила дискуссию за рамки частного мнения и превращала в принципы деятельности, определявшие в начале 20-х годов практическую работу партийных и государственных органов, ведавших вопросами художественной культуры.

Система органов управления сферой художественной культуры тогда находилась еще в стадии формирования. Особенностью этого периода являлось разграничение функций партийного и государственного аппаратов. Высшие партийные органы – ЦБ КП(б)Б и его Агитационно-пропагандистский отдел (Агитпроп) – осуществляли общее идеологическое руководство. Вся организаторская деятельность была сосредоточена в Народном комиссариате просвещения БССР.

Руководство комиссариата просвещения видело свою главную задачу в том, чтобы поставить на практическую основу "дело воссоздания белорусской культуры"⁴. С этой целью Наркомпрос занимался собиранием и организацией художественных сил республики, распределял заказы, контролировал зрелищные мероприятия, осуществлял цензуру печатных изданий.